

— Убери ноги обратно. Тот, кто проспал три дня и три ночи, не имеет права расхаживать по комнате, — раздался холодный голос Освальда. — Если, конечно, ты не хочешь переписать кодекс еще сто раз.

Услышав это, Кевин благоразумно убрал ноги обратно и изумился:

— Три дня и три ночи?!

— А ты как думал? — отозвался Освальд.

Кевин взглянул в окно. Дождь лил не переставая, над землей висела легкая водяная дымка — точно так же, как и перед тем, как он провалился в сон.

— ...Я думал, прошло от силы полдня.

Освальд лишь презрительно фыркнул.

Кевин промолчал.

— Пусть принесут чего-нибудь поесть. Жареного дикого кролика или тушеного молодого аиста, что-то в этом роде, — распорядился Освальд, снимая влажную от дождя верхнюю одежду и обращаясь к Иену.

Старый Иен поклонился и педантично произнес:

— Нет, тому, кто не ел три дня и три ночи, нельзя принимать такую пищу. Я распоряджусь приготовить что-нибудь другое. Кроме того, Ваше Величество, в последнее время вы едите слишком много мясного. Этим утром я уже велел изменить меню.

Договорив, он с подчеркнуто почтительным видом удалился.

Освальд с каменным лицом произнес:

— У меня в голове, должно быть, плескалось целое море, раз я решил взять его с собой.

Видя, как лакомый кусочек уплывает прямо из-под носа, Кевин тоже дернул уголком рта:

— И кем он теперь у тебя служит?

— Главным управляющим, — бесстрастно ответил Освальд.

Кевин снова промолчал.

Он долго разглядывал Освальда, а затем с трудноописуемым выражением лица произнес:

— Теперь я понял. Ты, должно быть, мазохист.

Освальд промолчал.

С мрачным видом он с грохотом захлопнул дверь, после чего стремительно подошел к кровати и притянул к себе кресло. Садясь, он не удержался и сухо бросил:

— Если бы я не забрал старика Иена с собой, он бы давно погиб. Да, он меня раздражает, но это не значит, что я желаю ему смерти.

Кевин приоткрыл рот, собираясь подколоть его снова, но Освальд оборвал его на полуслове:

— Заткнись, твое мнение никто не спрашивал. Теперь я буду задавать вопросы. Что, черт возьми, с тобой происходит?

— В каком смысле «что происходит»? — растерялся Кевин.

— С тех пор как мы выбрались из Густого леса Андоха и до сегодняшнего дня, ты бодрствовал только во время стычек. Всё остальное время ты практически не вылезал из постели, — сказал Освальд.

Кевин натянуто усмехнулся и помассировал затекшую шею.

— Наверное... просто не высыпаюсь.

Освальд холодно усмехнулся:

— Если мне не изменяет память, ты говорил Мио, что пролежал без сознания и пришел в себя только в этом году. Человек, который проспал несколько лет, жалуется мне на недосып? Ты кого обмануть пытаешься?

Кевин промолчал.

— В следующий раз, когда решишь сболтнуть очередную небылицу, лучше запиши ее на бумажке. Чтобы не забыть через минуту и не сесть в лужу, — Освальд откинулся на спинку кресла и, скрестив руки на груди, прищурился. — Так что, я считаю, тебе просто необходимо объяснить все заново.

Кевин немного подумал и заговорил:

— Хорошо... Я и сам не знаю, почему тогда выжил и как очутился в Густом лесу Андоха. Едва я открыл глаза, как на меня бросился ошалевший от голода лев — ну, то есть этот негодник Бан. Разумеется, я не собирался так просто это спускать ему с рук и хорошенько его проучил...

— Погоди, — Освальду было совершенно неинтересно слушать о том, как Кевин воспитывал Бана. — Ты сказал, что открыл глаза и увидел льва? А где именно ты лежал?

— На земле, — ответил Кевин.

— Прямо так и лежал, ничем не укрытый? — спросил Освальд. — В Андоха крупных хищников и впрямь немного, зато полно всякого гнуса. Они жрут и живых, и мертвых. К тому же из-за ядовитого тумана все эти твари ядовиты. Стоит им укусить, и если не помазать мазью, рана обязательно загноится и воспалится. Где твои шрамы?

Кевин промолчал.

— Ну и где же ты лежал на самом деле? — Освальд вздернул подбородок, повторяя вопрос.

Кевин с вздохом ответил:

— Под землей.

Освальд нахмурился:

— Под землей? Что значит «под землей»?

— Ну, под землей. Это когда выкапывают яму и засыпают сверху.

Освальд лишился дара речи.

Подобное описание звучало жутко. Как живого человека могли закопать под землю?

— Даже если это была летаргия, полежав в земле, ты бы точно испустил дух, — с непроницаемым лицом отчеканил Освальд. Тут ему внезапно пришло в голову кое-что еще: — Когда ты погиб в бою, я всё еще находился в Поместье Парсон и не видел этого своими городами. Но позже я слышал рассказ Мио. Он говорил, что присутствовал на твоих похоронах от начала и до конца. После того как гроб опустили в могилу, он и еще несколько офицеров Бронзовой армии простояли у надгробия весь день и ушли только на закате. В гробу же совсем мало воздуха. Как можно было выжить, пролежав там целые сутки?

Кевин промолчал.

Глаза Освальда с годами стали еще светлее, чем в детстве. Они казались почти прозрачными, напоминая взгляд самого хитрого полярного волка с ледяных равнин Могао. Когда он смотрел прямо на собеседника, в его глазах читались гордость и проницательность.

— Ладно... погоди минутку, — Кевин спустился с кровати с другой стороны, плотно закрыл окно, а затем подошел к Освальду и спросил: — У тебя есть какое-нибудь подходящее оружие? Кинжал, короткий клинок? Подойдет даже нож для фруктов.

Освальд промолчал.

Звучало это так, словно Кевин замышлял государственный переворот.

— О, я ничего такого не имею в виду, просто одолжить, — поспешно добавил Кевин.

— Только попробуй сделать еще хоть шаг босиком, — Освальд жестом велел ему вернуться в постель, а сам подошел к ростовому зеркалу, достал из-за него кинжал из черного золота и швырнул Кевину.

Кевин поймал его на лету, обнажил лезвие и, даже не поморщившись, полоснул себя по запястью.

— Что ты творишь?! С ума сошел?! — Освальд тут же выхватил у него кинжал.

— Эй, полегче, — небрежно махнул рукой Кевин и поднес запястье прямо к его лицу. — Смотри внимательнее.

Освальд неохотно умолк, но выражение его лица оставалось мрачным — похоже, он всё еще сомневался в душевном здоровье Кевина. С угрюмым видом он уставился на сочащуюся кровью рану, готовый в любую секунду позвать слуг, чтобы те перевязали ее.

Но стоило ему присмотреться, как выражение его лица переменялось.

Кровь уже перестала течь, и всего за несколько секунд рана затянулась больше чем наполовину. Это было удивительное зрелище: края кожи прямо на глазах сходились вместе, не оставляя даже следа от пореза, словно раны никогда и не было.

Если бы не пара капель крови на полу, Освальд решил бы, что бредит наяву.

Кевин помахал перед его носом совершенно невредимым запястьем:

— Теперь понимаешь, зачем мне понадобилось врать и водить всех за нос?

В спальне воцарилась гробовая тишина. Казалось, прошел целый век, прежде чем Кевин окончательно убедился: молодой Император ошеломлен настолько, что потерял дар речи.

Хотя Освальд с самого детства был тем еще сорванцом, благодаря перфекционизму старого управляющего Иена в некоторых вещах он все же вел себя как истинный молодой аристократ. Например, свято следовал правилу «жизнь можно отдать, но лицо терять нельзя». Даже если в душе бушевал ураган и рушились небеса, внешне следовало сохранять абсолютное спокойствие, демонстрируя зрелость и невозмутимость. Если же сдерживать эмоции становилось совсем невозможно, достаточно было слегка прищуриться — и бывшее величие вместе с внушительностью возвращались сами собой.

К несчастью, сейчас этот трюк не сработал. Он так и не смог совладать с собой, и его глаза невольно округлились от удивления.

Кевин редко видел его в таком замешательстве, и это показалось ему забавным. Не удержавшись от искушения немного подразнить его, он слегка коснулся рукоятью кинжала подбородка Освальда:

— Напугались? А мне казалось, вы у нас не из робкого десятка, Ваше Величество.

Освальд промолчал.

Прошел еще один долгий век, прежде чем он наконец пришел в себя. Слегка прищурившись, он спросил предельно сдержанным, тихим голосом:

— Как такое возможно?

Кевин покрутил в пальцах кинжал и кивнул на него:

— Поздно, не шурься. Величие уже не вернуть. Нечего строить из себя умудренного опытом старца в столь юные годы, это лишает тебя живости.

Освальд, которому сейчас меньше всего хотелось казаться «живым», пропустил подколку мимо ушей, не позволяя сбить себя с толку:

— Когда ты впервые обнаружил у себя эту способность?

— Не помню. Кажется, я таким родился, — ответил Кевин.

— Родился... — пробормотал Освальд. Его взгляд случайно упал на свиток «Книги Новых Богов», оставленный Иеном у постели, и в голове промелькнула догадка: — Неужели это атавизм?

Народ Она называли «руинами богов», и причина тому была очевидна.

Этот континент пережил блистательную Эпоху Древних Богов, затем, после их падения, прошел через эпоху Новых Богов, когда безраздельно правил один-единственный Новый Бог, а после векового запустения постепенно обрел свой нынешний облик. За это долгое время Народ

Она, считавшийся прямым потомком легендарных богов, изменился настолько бесповоротно, что не унаследовал ни крупницы их божественной силы.

<http://bllate.org/book/18285/1753193>